

The background of the entire cover is an impressionistic painting. It depicts a woman's face and shoulders. The colors are warm and blended, with shades of pink, red, orange, and yellow for the face and neck, and cooler tones of blue, green, and purple for the lower part of the image. The brushstrokes are visible and expressive, giving it a soft, painterly quality. The woman's features are not sharply defined but suggested by the color and texture of the paint.

Сабин
Мельхиор-
Бонне

*Энциклопедия
легкомыслия*

ТОНКОЕ ИСКУССТВО
НЕ ПРИНИМАТЬ
ЖИЗНЬ ВСЕРЬЕЗ

Перевод Анны Жигаловой

Сабин Мельхиор-Бонне
Энциклопедия легкомыслия.
Тонкое искусство не
принимать жизнь всерьез
Серия «Библиотека повседневности»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74065812

*Энциклопедия легкомыслия. Тонкое искусство не принимать жизнь
всерьез: Москва; 2026
ISBN 978-5-389-33361-1*

Аннотация

Яркие одежды, искрающийся смех, мимолетная красота и нескончаемая погоня за сиюминутным удовольствием – каждому из нас знакомо легкомыслие. Осуждаемое и воспеваемое, оно было верным спутником человека от Античности до наших дней. Католическая церковь видела в нем тяжкий грех, отвлекающий от мыслей о спасении, а великие философы – Вольтер, Монтень – божественный дар, спасающий от страха и отчаяния. Наконец, оттенок легкомыслия отличает, пожалуй, каждую икону стиля, которую мы почитаем по сей день, от Твигги до Брижит Бардо.

Погрузившись в галантные празднества XVIII века, вы узнаете, как аристократия возвела легкомыслие в ранг искусства жизни, а живопись Ватто и Фрагонара воспела его чувственную сторону.

Почему оно традиционно считалось «женской» чертой и как с ним боролась революционная мораль? Влиятельный историк эмоций и повседневности Сабин Мельхиор-Бонне мастерски показывает, как жажда игры, изящества и кокетства не только пережила войны и революции, но и стала неотъемлемой частью современного мира, где царит культ потребления и сиюминутного удовольствия. Это глубокое исследование о том, как человечество училось балансировать между тщетой бытия и жаждой счастья, – и о том, как отстаивать свое личное право на маленькие радости.

Содержание

Введение	8
Легкомысленный пол: обвинение длиной в тысячелетие	14
Женщина в зеркале	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Сабин Мельхиор-Бонне Энциклопедия легкомыслия. Тонкое искусство не принимать жизнь всерьез

Sabine Melchior-Bonnet

UNE HISTOIRE DE LA FRIVOLITÉ

© Armand Colin 2013, Malakoff ARMAND COLIN is a trademark of DUNOD Editeur – 11, rue Paul Bert – 92240 MALAKOFF

© Жигалова А. В., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

КоЛибри®

Введение

Римская фреска I века. «Марс и Венера». Помпеи, Неа-

Как у стрекозы из басни, репутация у легкомыслия¹ очень хорошая. Но как его определить? По своей природе оно многогранно и изменчиво: термин то обозначает легкомысленного и беспечного человека, то напоминает ненужный предмет, бесполезный аксессуар – так в XIX веке называли небольшое изделие из кружева², которым дамы украшали свои наряды, а саму работу носили в ридикюлях, чтобы руки всегда были заняты. Легкомыслие почти всегда двойственно и неоднозначно. С его помощью можно на лету поймать минутку удовольствия, но также оно ассоциируется с пустотой, ветреностью и непостоянством. Из-за отсутствия стабильной точки отсчета легче сказать, чем оно не является; серьезность, польза, расчетливый ум не могут с ним соседствовать.

Это слово появилось во французском языке довольно незаметно: латинский термин *frivola* изначально значил «разбитые глиняные тарелки», то есть посуду, не представляющую ценности. В некоторых древних текстах его значение расширялось до «мелочей» или «недорогих небольших предметов мебели». Заполнять пространство или время мелочами – такова роль пустяков, которые в французском языке и назывались *frivolités*, а в XVI веке использовали термин

¹ В оригинале *frivolité* (в т. ч. «фривольность»). – Здесь и далее – *прим. пер.*

² Речь о фриволите – технике плетения кружева.

frivoleries. Этимологи прослеживают происхождение слова *frivola* от того же латинского корня, что и *friare* – «измельчать, дробить». Но само существительное практически не использовалось до зарождения христианства в Римской империи; вместо *frivolitas* в латыни предпочитали термин *levitas* (непостоянство, несерьезность) для обозначения того, что мы сейчас называем легкомыслием. Зато другой термин, появившийся в «Дигестах» Юстиниана, стал довольно популярным: *frivusculum* – мимолетная ссора между супругами, которая была противоположностью *divortium* (разводу)!

Термин *frivole* закрепился в латинском языке благодаря христианским авторам, которые так описывали некоторые недостатки души. Однако легкомыслие – не смертный грех; оно лишь отчасти связано с грехами гордыни и лени. Легкомыслие – сама легкость, незаметно, «на цыпочках», проникающая в жизнь человека. Как говорил философ Ален в «Сердечных приключениях» (*Les Aventures du cœur*), оно похоже на «легкую завесу», отделяющую людские чувства и страсти, чтобы избавить их от тяжести. Кто бы стал его опасаться? В легкомыслии есть что-то игривое, безобидное, даже несерьезное; оно придает остроту повседневной жизни, борясь с унылой серьезностью и скукой. Оно живет моментом, не обременяя себя прошлым и не делая ставку на будущее; отказывается от уроков жизни и воздерживается от любых обязательств; поэтому естественный возраст легкомыслия – это детство без прошлого или старость без будущего.

«Я живу в основном легкомыслием, которое приходит на помощь, когда жизнь длинна», – утверждала Колетт в «Вечерней звезде» (1947). Оно дробит течение времени, лишая его длительности.

В противовес идеологии труда легкомыслие превозносит искусство ничего не принимать всерьез. Оно соседствует с изворотливостью или подчиняется капризу и старается ухватить удачную возможность. Но при этом оно не оставляет следов, «подобно шагу в танце, который стирает предыдущий». Маркиз де Сент-Олер, которого цитировал Максим Дюкан («Париж, его органы, отправления и жизнь во второй половине XIX века», 1875), определял его так: «Легкомыслие – это не столько отвращение к серьезным вещам, сколько склонность к развлечениям». Это определение можно перевернуть: тогда легкомыслие надевает личину серьезности и возвышает то, что является лишь пустяком; это образ жизни, который можно также выражать с помощью стиля или эстетики. Наше общество, погрязшее в безудержном консьюмеризме, придумало множество слов для описания *homo frivolus* – разновидности *homo ludens*³, о котором невозможно сказать, хорош он или плох, искренен или лжив. Такой человек довольствуется внешним и легко смеется надо всем: ему нужно порхать, флиртовать, лавировать, уходить от темы.

В период Старого режима легкомысленность была прису-

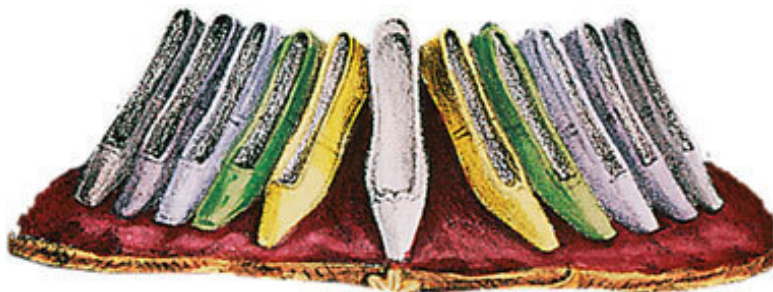
³ «Человек играющий».

ща праздным и богатым аристократам. У них была репутация людей, бесконечно наслаждающихся различными видами досуга. А если такой человек решал заняться каким-то делом, то выполнял его по-дилетантски. Труд не поощрял легкомыслие: в деревне тяжелая крестьянская доля не оставляла места расточительству; конечно, во время ритуальных праздников люди могли отдохнуть вместе, но это время было ограничено и регламентировано. Возможности для проявления инициативы и беззаботности совсем не оставалось, или же такой шанс выпадал редко. Труд наполнял всю жизнь рабочего класса, который в XIX веке откроет для себя право на отдых и развлечения, но долгое время будет бояться бесполезно проведенного времени. Ницше скажет, что отдых требует «сверхусилия»: «Чрезмерными усилиями они добиваются для себя лишнего досуга, а потом не знают, что с ним делать, кроме как отсчитывать часы, покуда те не выйдут до конца⁴» («Смешанные мнения и изречения», 1878). Чтобы быть легкомысленным, нужен особый талант!

Церковь, моралисты и философы на протяжении веков комментировали вопрос легкомыслия. Одни осуждали его, потому что легкомысленный человек забывает о предназначении души и необходимости спасения. Философы же реабилитировали его, потому что в конце концов, будь человек легкомысленным или серьезным, ему все равно придется умереть: «К черту серьезные речи, ведь они не спасут меня

⁴ Перевод В. М. Бакуева.

от смерти», – восклицал Ален, выступая в защиту легкомыслия. Он был адвокатом дьявола! Священнослужители видели в легкомыслии тень Сатаны, соблазнителя, но все признавали, что эта невыносимая легкость бытия – часть человеческой природы. А потому к ней нужно отнестись с определенной снисходительностью – в литературе легкомыслие, на которое авторы смотрели как на желанное искусство жить, часто восхвалялось.

Легкомысленный пол: обвинение длиной в тысячелетие

*Самая добродетельная женщина не что иное,
как утонченная кокетка⁵.*

*Ретиф де ла Бретон. «Совращенный поселянин»,
1775 год*

⁵ Перевод Е. А. Гунста.

Джованни Беллини. «Обнаженная молодая женщина с

зеркалом», 1515 год. Музей истории искусств, Вена

Как веками повторяли моралисты, у женщин в голове ветер; порой они бывают злыми, но чаще всего – беспечными, поверхностными и непоследовательными: они – само воплощение легкомыслия. Существует множество французских пословиц и остроумных высказываний, осуждающих их легкомыслие: «Женщина как птичка-флюгер, который постоянно вертится и меняется», «Женщины непостоянны, и удержать их труднее, чем пойманного угря», «Женский пол непостоянен по своей природе», «Женщина переменчива, а тот, кто ей доверится, глуп», «И поскольку их легкомысленный ум и изменчивые настроения обычно доставляют много хлопот исповедникам, одна из лучших мер предосторожности – воспитание душ мужей», «Своенравный дух», «Женщинам в голову взбредает то одно, то другое», «Женщина – такое животное, которое не бывает ни уверенным, ни постоянным».

Несерьезные, любопытные, переменчивые, кокетливые, тщеславные, игривые, болтливые, непредсказуемые... Эти регулярно повторяющиеся прилагательные – лишь краткий перечень из не самых худших эпитетов в антифеминистском словаре. С периода Средневековья ими пестрели проповеди священников, речи теологов, пословицы и почти все литературные произведения. Однако прилагательное *frivole*, согласно употреблению в латинском языке, обозначало не

столько женское настроение или характер, сколько дамские украшения, эти бесполезные пустышки, которые женщины беспрестанно собирали, повинуюсь моде. Но идея укоренилась: женщины суетны и поверхностны, а значит, легкомысленны. Двойные стандарты: мизогинный дискурс умалчивал об изысканном мужском кокетстве, которое было присуще элегантным мужчинам всех эпох, от «миньонов» Генриха III до денди XIX века, включая щеголей века XVIII. Тем не менее в остром средневековом языке нашлось точное слово для описания легкомыслия, характерного для мужчин, – *frivoleur*. Так называли мужчин, которые болтают чепуху, чтобы ухаживать за дамами («Словарь старофранцузского языка». *Dictionnaire de l'ancienne langue française*). Да и как тут избежать ассоциации легкомыслия с ветреником!⁶

⁶ Во французском термине *frivoleur* можно увидеть корни слов *frivolité* («легкомыслие») и *volage* («ветреный»).

Женщина в зеркале

Женщина, любующаяся собой в зеркале, на протяжении веков оставалась символом легкомыслия. Привязаться к красоте, которая длится лишь несколько весен, — что может быть более поверхностным? Женщиной манипулировал дьявол: однажды сказав, что она красива, зеркало может повторять по сто раз, но хозяйка никогда не устанет от этих слов. Смена платья, новый дамский гарнитур, процесс макияжа — все это полностью отвлекало от занятий делами вне дома и делало женщину легкой добычей для всевозможных искушений. В трактате «Книга поучений дочерям», написанном рыцарем де Ла Тур Ландри в XIV веке, который стал очень популярен в следующем столетии, рассказывалось о молодой даме, которая «тратила четверть дня на то, чтобы выйти в свет; все ждали ее, говоря: почему же эта дама никогда к выходу заранее не причесывается и не смотрит в зеркало?» Кокетка, которая прихорашивалась и надевала украшения, не замечала, как летит время, пока дьявол подкарауливал ее душу; туалет, по природе сатанинский, служил приманкой для мужчин. Этот топос средневековой литературы, распространенный по всей Европе, с некоторыми вариациями стал повторяться в XV веке. За зеркалом скрывался дьявол, но порой его заменяло пухлое личико ангелочка. Художник Пизанелло написал даму, держащую в левой руке зеркало, а в это

время за ней подглядывал второй персонаж, стоящий за спиной. На изображениях XVI века красавице грозили смерть или песочные часы: легкомысленная девушка не замечала, как утекает время, и ее ждала могила. Этот образ настолько укоренился, что даже в «Капричос» Гойи (1808) осталась старуха, смотрящаяся в зеркало: героиня *Hasta la muerte* – кокетка до самой смерти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.